

Наталия Мазур,

«Не бось, не бось»

О народном шиболете в «Капитанской дочке»

(Natalija Mazur, "Ne bos', ne bos'". O narodnom šibolete v "Kapitanskoj docke")

aus:

Analysieren als Deuten

Wolf Schmid zum 60. Geburtstag

Herausgegeben von Lazar Fleishman, Christine Gölz und Aage A.
Hansen-Löve

S. 353-364

Impressum für die Gesamtausgabe

Bibliografische Information Der Deutschen Bibliothek

Die Deutsche Bibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.ddb.de> abrufbar.

Diese Publikation ist außerdem auf der Website des Verlags Hamburg University Press *open access* verfügbar unter <http://hup.rrz.uni-hamburg.de>.

Die Deutsche Bibliothek hat die Netzpublikation archiviert. Diese ist dauerhaft auf dem Archivserver Der Deutschen Bibliothek verfügbar unter <http://deposit.ddb.de>.

ISBN 3-9808985-6-3 (Printausgabe)

© 2004 Hamburg University Press, Hamburg

<http://hup.rrz.uni-hamburg.de>

Rechtsträger: Universität Hamburg

Inhalt

Vom nicht abgegebenen Schuss zum nicht erzählten Ereignis	11
Schmid'sche Äquivalenzen <i>Aage A. Hansen-Löve (München)</i>	
Kein Elfenbeinturm für Wolf Schmid	19
15 Jahre Alexander-Sergejewitsch-Puschkin-Preis <i>Ulrich-Christian Pallach (Alfred Toepfer Stiftung F.V.S., Hamburg)</i>	
Critique of Voice	31
The Open Score of Her Face <i>Mieke Bal (Amsterdam)</i>	
Towards a Cognitive Theory of Character	53
<i>Willem G. Weststeijn (Amsterdam)</i>	
Literarische Kommunikation und (Nicht-)Intentionalität	67
<i>Reinhard Ibler (Marburg)</i>	
«Теснота стихового ряда»	85
Семантика и синтаксис <i>Michail Gasparov (Moskau)</i>	
О принципах русского стиха	97
<i>Vjačeslav Vs. Ivanov (Moskau, Los Angeles)</i>	
Эстетика тождества и «железный занавес» первого Московского царства	111
<i>Marija Virolainen (St. Petersburg)</i>	
Семантический ореол «локуса»	135
Выбор места действия в художественном тексте <i>Tat'jana Civ'jan (Moskau)</i>	

Из истории сонета в русской поэзии XVIII века	151
Сонетные эксперименты. Случай «двуединого» сонета <i>Vladimir Toporov (Moskau)</i>	
Фантазия versus мимезис	167
О дискурсе «ложной» образности в европейской литературной теории <i>Renate Lachmann (Konstanz)</i>	
„Korinnas Reiz macht mir das Herze wund“	187
Zum quasinarrativen Element in Franciszek Dionizy Kniaźnins „Erotica“ (1779) <i>Rolf Fieguth (Fribourg)</i>	
Zur Poetik von Schota Rustaweli	219
<i>Winfried Boeder (Oldenburg)</i>	
Литература по ту сторону жанров?	231
<i>Igor' Smirnov (Konstanz)</i>	
О поэтике первых переживаний	259
<i>Jost van Baak (Groningen)</i>	
Медленное чтение «Евгения Онегина» как курс введения в литературоведение	277
<i>Aleksandr Ćudakov (Moskau)</i>	
Поэзия как проза	299
Нарратор в пушкинской «Полтаве» <i>Lazar Fleishman (Stanford, California)</i>	
Poetry and Prose	337
Pushkin's Review of Sainte-Beuve's "Vie, Poésies et Pensées de Joseph Delorme" and the Tat'iana of Chapter Eight of "Evgenii Onegin" <i>David M. Bethea (Madison, Wisconsin)</i>	
«Не бось, не бось»	353
О народном шиболете в «Капитанской дочке» <i>Natalija Mazur (Moskau)</i>	

Der frühe russische Realismus und seine Avantgarde	365
Einige Thesen <i>Aage A. Hansen-Löve (München)</i>	
Где и когда?	407
Из комментариев к «Мертвым душам» <i>Jurij Mann (Moskau)</i>	
Сатирический дискурс Гоголя	417
<i>Valerij Tjupa (Moskau)</i>	
Macht und Ohnmacht des (Ich-)Erzählers	429
F. M. Dostoevskijs „Belye noči“ <i>Riccardo Nicolosi (Konstanz)</i>	
“Les jeux sont faits”	449
Money and Roulette as a Literary Communicative Device in “The Gambler” <i>Boris Christa (Queensland, Australia)</i>	
Сцена из «Фауста» в романе Достоевского «Подросток»	461
<i>Galina Potapova (St. Petersburg)</i>	
От «говорили» к «как-как-фонии»	483
Отчуждение языка в «Даме с собачкой» <i>Peter Alberg Jensen (Stockholm)</i>	
Die anthropologische Bedeutung und der poetische Aufbau Čechov’scher Erzählungen am Beispiel von „Nesčast’e“	499
<i>Matthias Freise (Salzburg, Göttingen)</i>	
Narration als Inquisition	513
Čechovs Kurzgeschichte „Novogodnjaja pytko. Očerk novejšej inkvizicii“ <i>Erika Greber (München)</i>	
Рождение стиха из духа прозы	541
«Комаровские кроки» Анны Ахматовой <i>Roman Timenčik (Jerusalem)</i>	

Кубовый цвет	563
Из комментария к словарю Набокова <i>Aleksandr Dolinin (Madison, Wisconsin)</i>	
Подводное золото	575
Ницшеанские мотивы в «Даре» Набокова <i>Savely Senderovich, Elena Shvarts (Ithaca, NY)</i>	
Zur Kohärenz modernistischer Texte	591
Schulz' „Nemrod (Sklepy cynamonowe)“ <i>Robert Hodel (Hamburg)</i>	
«Доктор Живаго» Б. Пастернака и «Хождение по мукам» А. Н. Толстого	617
К вопросу о судьбах русского романа в двадцатом столетии <i>Vladislav Skobelev (Samara)</i>	
„Ja k vam pišu...“ – mediale Transformationen des Erzählens	631
Tat'janas Liebesbrief in Puškins Versroman „Evgenij Onegin“, Petr Čajkovskijs gleichnamiger Oper und Martha Fiennes' Verfilmung <i>Rainer Grübel (Oldenburg)</i>	
Пушкин как персонаж лирической поэзии «ленинградского андеграунда»	665
<i>Vladimir Markovič (St. Petersburg)</i>	
Das ABC der russischen Katastrophen	689
Tat'jana Tolstajas Roman „Kys“ <i>Christine Gölz (Hamburg)</i>	
Schriftenverzeichnis von Wolf Schmid	719
Autorinnen und Autoren	735

«Не бось, не бось»

О народном шиболете в «Капитанской дочке»

Наталия Мазур

Вольфу Шмиду принадлежит чрезвычайно интересное наблюдение об особой роли «паремиологических микротекстов» в пушкинской прозе. Ему удалось показать, что повести Пушкина насыщены провербиальным материалом, развертывание которого в тексте «принимает форму *нарративной криптограммы*. Ее означающее образуют [...] микротексты, т. е. тропы или поговорки, а скрытым в этой нарративной криптограмме является не столько само наличие микротекста в тексте, сколько его сюжетная роль».¹ В настоящей заметке позволим себе привести еще один пример нарративной криптограммы у Пушкина.

В кульминационной для *Капитанской дочки* сцене казни в Белогорской крепости (глава 7) выделяется своей парадоксальностью реплика палачей:

¹ Шмид В. О мотивировке в прозе Пушкина // Russian Literature. 1989. Vol. XXIII—XXIV. С. 497 (курсив оригинала); см. также: Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении. «Повести Белкина». Санкт-Петербург, 1996. О сюжетно-образующих функциях поговорок *Береги платье снову, а честь смолоду* и *Долг платежом красен* в *Капитанской дочке* см.: Davudov S. The Sound and Theme in the Prose of A. S. Pushkin: A Logo-Semantic Study of Paranomasia // Slavic and East European Journal. 1983. Vol. 27. Pp. 1—18; Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении. С. 226—237. Из многочисленных работ, посвященных функционированию «свернутых текстов» иного рода (эпиграфов, иконических цитат и т. д.), назовем недавнюю статью: *Основа А. Л.* Из комментария к «Капитанской дочке»: лубочные картинки // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. Москва, 2001. С. 357—366.

«Вешать его!» — сказал Пугачев, не взглянув уже на меня. Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву [...] Меня притащили под виселицу. «*Не бось, не бось*», — повторяли мне губители, может быть и вправду желая меня ободрить. (VIII, 325²)

Наивно-очевидное пояснение, данное рассказчиком, только усиливает зловещий алогизм происходящего.³ Неоднозначная сама по себе, эта реплика приобретет новый смысловой оттенок при сопоставлении ее с напрашивающимся провербиальным подтекстом — известной пословицей *Авоська веревку вьет, небоська петлю на(за)кидывает*.⁴ Можно

² Тексты Пушкина цитируются по изд.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 1—17. Москва; Ленинград, 1937—1959 (римскими цифрами обозначается том, арабскими — страница).

³ Парадоксальность этого эпизода («ужасной комедии») привлекла к нему внимание множества интерпретаторов; о различных толкованиях сцены казни см.: *Дебрещени П.* Блудная дочь. Анализ художественной прозы Пушкина. Санкт-Петербург, 1995. С. 275—281.

⁴ В печатных фольклорных и лексикографических сводах фиксируется с начала 1860-х гг.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Москва, 1863. Т. 1. С. 3 (первый выпуск словаря реально вышел в 1861 г.); *его же.* Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий, и проч. Москва, 1862. С. 101 (раздел «Терпение — Надежда»). Ранее, в 1847 г. Даль включает данную поговорку в свою повесть *Отец с сыном* (Отечественные записки. 1848. № 1. С. 7), а в 1853 г. приводит ее как пример олицетворения в предисловии к *Пословицам русского народа*, уже подготовленным тогда для печати (там же. С. XXXIII). Учитывая, что основной паремиологический материал собирался Далем в 1830—1840-х гг., вопрос о бытовании поговорки в пушкинское время, тем самым, решается в положительном смысле. Любопытно, что некоторые паремии этой же лексической группы встречаются в ранних сказках и повестях Даля, хорошо известных Пушкину. Ср., например: «...вымолвил слово Русское: *виноват!* к пиву дется, а к слову молвится: *авось, небось, да как нибудь*, а если на беду концы с концами не сойдутся: *виноват!* Вот что нашего брата на Русской земле и губит, вот за что нашего брата и бьют, да видно еще и мало; нейдется!» (*Русские сказки*, из предания народного устного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими приукрашенные Казаком Владимиром Луганским. Пяток первый. Санкт-Петербург, 1832. С. 39; курсив В. Даля). Обширный фразеологический материал на «авось» и «небось» см. также: *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Москва, 1994. Т. 1. С. 4—5 (с изд. 1902 г.), *Макси-*

предположить, что перед нами пример «образной» криптограммы (по классификации В. Шмида); пословица не дана эксплицитно в тексте, но выявляется на уровне образа: *небоська* — человек, произносящий слово *не бось*,⁵ действительно, накидывает петлю. В сцене казни реализован буквальный смысл второй части пословицы, переносный же смысл (собственно провербиальная мудрость) может быть прочитан в развертывании той сюжетной линии, развязкой которой и стало «закидывание петли».

Напомним, что в отличие от Петруши Гринева, счастливо избежавшего виселицы, на площади Белогорской крепости погибло три чело-

мов С. В. Крылатые слова. Москва, 1955. С. 239—241 (с изд. 1899 г.), *Словарь русского языка* / Сост. вторым отделением Академии Наук СССР. Ленинград, 1932. Т. 1. Вып. 1. Стб. 95—97; Т. 8. Вып. 1. Стб. 71—73.

⁵ Дискурсивное слово *небось* образовалось из формы повелительного наклонения глагола *бояться* с отрицанием *не*: *не бойся* > *не бойсь* > *небось*. В современном русском языке этимологическое значение этого слова в значительной степени ослабело; авторы *Русской грамматики* даже причисляют его к первообразным частицам, «не имеющим живых словообразовательных связей и формальных соотношений со словами других классов» (*Русская грамматика*. Москва, 1982. Т. 1. С. 723; однако же разнообразными производными от *небось* изобилуют русские пословицы; ср. *Авоська с небоськой водились, да оба в яму свалились*; *Все небоськали, да и доневоськались до беды*, *Небоськино дело шатовато* и т. д.). В некоторых употреблениях *небось* близко подходит к своему первоначальному смыслу и может быть заменено на *не бойся*: ср. *Небось, не переломится спина-то у тебя, неси*; *Ты не перепрыгнешь — Небось, перепрыгну*, и т. п. Резко разграничивать модальное слово *небось* и стяженную форму глагола *не бойся* (*не бойсь, не бось, небось*), впрочем, не представляется необходимым, поскольку оба смысловых оттенка имплицированы в идиоматическом значении слова. Семантические и комбинаторные характеристики *небось* описаны в кн.: *Дискурсивные слова русского языка*: опыт контекстно-семантического описания. Москва, 1998. С. 326—330; раздел написан Е. Э. Разлоговой). Ср. также: *Шмелев А. Д.* Жизненные установки говорящего и дискурсивные слова // *Slavica Tampere* V. Aspekiteja. Tampere, 1996. С. 311—322. Здесь, в частности, отмечается «фамильярная» окраска дискурсивного *небось*. В этом смысле показательно сопоставление реплики Екатерины II, обращенной к Маше Мироновой: «Не бойтесь, она не укусит» (VIII, 371), и слов Алексея Берестова, обращенных к «барышне-крестьянке»: «Небось, милая, собака моя не кусается» (VIII, 114). Сравнение ясно указывает на «народную» (национальную и простонародную одновременно) стилистику *небось* в пушкинском словоупотреблении.

века: пугачевцы повесили капитана Миронова и инвалида Ивана Игнатьича, и убили ударом сабли комендантшу Василису Егоровну. Все трое до этого высказывали безосновательное пренебрежение к силам Пугачева и столь же малоосновательную надежду на благополучный исход возможного столкновения с бунтовщиками. Все трое аргументировали свою позицию с помощью *небось* и *авось*:

«Я слышал, — сказал я довольно некстати, — что на вашу крепость собираются напасть башкирцы». [...] «Пустяки! — сказал комендант. — У нас давно ничего не слыхать. Башкирцы — народ напуганный, да и киргизцы проучены. *Небось*, на нас не сунутся; а насунутся, так я такую задам острастку, что лет на десять угомоню». (VIII, 298)

Василиса Егоровна [...], помолчав несколько минут, [...] глубоко вздохнула и сказала, качая головою: «Господи боже мой! Вишь какие новости! Что из этого будет?»

— И, матушка! — отвечал Иван Игнатьич. — Бог милостив: солдат у нас довольно, пороху много, пушку я вычистил. *Авось* дадим отпор Пугачеву. Господь не выдаст, свинья не съест! (VIII, 315—316)

Иван Кузьмич оборотился к жене и сказал ей:

— А слышь ты матушка, и в самом деле, не отправить ли вас подале, пока не управимся мы с бунтовщиками?

— И, пустое! — сказала комендантша. — Где такая крепость, куда бы пули не залетали? Чем Белогорская ненадежна? Слава богу, двадцать второй год в ней проживаем. Видали и башкирцев и киргизцев: *авось* и от Пугачева отсидимся! (VIII, 319)

Таким образом, целостный смысл пословицы проявляется на сюжетном уровне, где он мотивирует и поведение героев и их судьбу: погибают те персонажи, которые принимают заключенные в пословице «правила игры». Спасшийся Гринев — единственный, кто пытается противостоять общей фаталистической установке (ср. его предложение увезти из крепости семью коменданта).

Однако едва ли прагматика паремийного подтекста у Пушкина может быть сведена к наивному предостережению о том, как опасно по-

лагаться на *авось* и *небось*.⁶ Прямого применения «народной мудрости» мы могли бы ждать от нравоучительной повести, комедии или водевиля, но отнюдь не от пушкинской прозы. И действительно, семантическая структура криптограммы существенно усложняется, если проанализировать другой эпизод *Капитанской дочки*, связанный со сценой казни как на сюжетном, так и на лексическом уровне.

Продолжим цитату, с которой мы начали эту статью — чудом избежавшего виселицы Петрушу ведут к Пугачеву:

Меня снова привели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачев протянул мне жилистую свою руку. «Цалуй руку, цалуй руку!» — говорили около меня. Но я предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению. «Батюшка Петр Андреич!» — шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. — «Не упрямяся! что тебе стоит? плюнь да поцалуй у злод... (тьфу!) поцалуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачев опустил руку, сказав с усмешкою: «Его благородие знать одурел от радости. Подымите его!» — Меня подняли и оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение ужасной комедии. (VIII, 325)

⁶ Кстати, с мотивом «непредсказуемых последствий» мы сталкиваемся при первом же употреблении этих слов в *Капитанской дочке* — в разговоре Гринева, вожатого и ямщика: «Страна мне знакомая — отвечал дорожный — [...] Да вишь какая погода: как раз собьешься с дороги. Лучше здесь остановиться да переждать, *авось* буран утихнет да небо прояснится: тогда найдем дорогу по звездам. Его хладнокровие ободрило меня. Я уж решился, предав себя Божией воле, ночевать посреди степи, как вдруг дорожный сел проворно на облучок и сказал ямщику: Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай в право да поезжай. — А почему ехать мне в право? — спросил ямщик с неудовольствием. — Где ты видишь дорогу? *Небось*: лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой» (VIII, 288). При буквальной трактовке эпизода волевой выбор, сделанный вожатым, иллюстрирует знакомый уже нам простой тезис: «отказ от надежды на *авось* и *небось* приводит к обретению цели (спасению)». В то же время, можно предложить и другое, более сложное чтение, построенное на паремийном подтексте. Если допустить, что в микросюжете «поиск дороги» реализуется пословица *Вывезет и авоська* (вар.: *небоська вывезти вывезет*), да *незатяг куда* (Даль В. И. Словарь... Т. 1. С. 3; Т. 3. С. 1090), то мы имеем дело с очередной образной криптограммой, которая придает эпизоду более общий смысл: вожатый (человек, говорящий *авось* и — устами ямщика — *небось*), *вывозит* героя, но при этом переносит его в пространство неопределенности, где герой должен «выбирать путь» снова и снова.

Вся сцена присяги самозванцу и гибели тех, кто отказался присягать, была предсказана Гриневу (а вместе с ним и читателям повести) вещим сном, приснившимся ему при первой встрече с Пугачевым:

Я стал на колени, и устремил глаза мои на больного. Что ж?.. Вместо отца моего, вижу в постеле лежит мужик с черной бороною, весело на меня поглядывая. Я в недоумении оборотился к матушке, говоря ей: «Что это значит? Это не батюшка. И к какой мне стати просить благословения у мужика?» — «Все равно, Петруша, — отвечала мне матушка, — это твой посажёный отец; поцалуй у него ручку, и пусть он тебя благословит...» Я не соглашался. Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны. Я хотел бежать... и не мог; комната наполнилась мертвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах... Страшный мужик ласково меня кликал, говоря: «*Не бойсь*, подойди под мое благословение...» Ужас и недоумение овладели мною... (VIII, 289)

Нетрудно заметить, что в обеих сценах убийца обращается к своей потенциальной жертве с увещанием *не бось* (*не бойсь*). Близкой параллелью к такому словоупотреблению может служить поговорка *Сам нож (топор) точит, а говорит: небось*,⁷ которая, с одной стороны, может рассматриваться как паремийный подтекст «сна Гринева»,⁸ а с другой, — как инвариантное значение обоих разбираемых эпизодов: «от человека, говорящего *не бось*, исходит смертельная опасность».

⁷ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Москва, 1865. Т. 3. С. 1090 (с примечанием «коновал, мясник»); *его же.* Пословицы русского народа. Москва, 1862. С. 730 (раздел «Прямота — Лукавство», в разделе «Русь — Родина» дано применительно к егорьевцам — «коновалам, головотяпам, рудометам»).

⁸ Образная криптограмма реализуется здесь на микросюжетном уровне (как и в случае с «небоськой, накидывающим веревку» в сцене казни). Заметим также, что в данном эпизоде содержится и другая криптограмма: иносказание вожатого *Заткни топор за спину, лесничий ходит* (VIII, 290) немедленно связывает с реальностью виденного во сне «страшного мужика», выхватывающего топор из-за спины (интересно, что одновременно актуализируется и исторический контекст повести: для дешифровки иносказаний — и сна — рассказчик впервые вводит реалии, связанные с предысторией пугачевского бунта).

Какова же роль описанной криптограммы в общей структуре текста? Для ответа на этот вопрос необходимо определить социо-лингвистический и идеологический статус слова *небось*, ядерного для всех выявленных выше провербиальных подтекстов.

Небось, несомненно, принадлежит к числу «народных шиболетов» — словесных паролей, по которым и опознается истинный носитель языка.⁹ Современная лингвистика относит подобные идиомы к разряду этнически специфичных концептов, отражающих уникальность национальной картины мира. В своем модальном значении *небось*, как и парное к нему дискурсивное слово *авось* (ср. *Авоська небоське родной брат*), иллюстрирует одно из стереотипных представлений о национальном характере — пресловутую русскую иррациональность¹⁰ (лапидарной формулой которой может служить пословица, целиком составленная из «народных шиболетов»: *Русак на трех сваях крепок: авось, небось, да как-нибудь*¹¹). В апологетическом изводе этого стереотипа иррациональность трактуется как нелюбовь к расчету в эмоциональной и материальной сфере, готовность к самопожертвованию,

⁹ «Народным шиболетом» Пушкин называл дискурсивное слово *авось*: «Авось, о Шиболет народный | Тебе б я оду посвятил | Но стихоплет великородный | Меня уже предупредил...» и т. д. (VI, 522). «Словцо ты русское прямое» воспето, как и указано Пушкиным, в оде *Авось князя И. М. Долгорукого* (1807), а после него в стихотворении князя П. А. Вяземского *Сравнение Петербурга с Москвой* (1811): «У вас авось — России ось | крутит-вертит, | а кучер спит». Кроме этих, хорошо известных параллелей к X главе *Евгения Онегина* можно назвать также сатиру безвестного пииты Петра Розанова *Авось* (Друг просвещения. 1806. Ч. 2. № 5. С. 93—96), едва ли не явившуюся источником вдохновения для Долгорукого.

¹⁰ Ср. раздел, посвященный «русскому авось» в кн.: *Вежбицкая А. Язык, культура, познание*. Москва, 1996. С. 76—79; *Попова Е. А. «Авось» в русском сознании* // <http://commbehavior.narod.ru/RusFin/RusFin2001/Popova.htm>. Еще один этнически специфичный концепт в его восприятии иностранцами проанализирован в работе: *Алексеев М. П. Русское слово ничего и его зарубежные интерпретации* // *Словари и лингвострановедение*. Москва, 1982. С. 28—32.

¹¹ Ср., например: *Максимов С. В. Крылатые слова*. Москва, 1955. С. 239—241. Забавно было бы соотнести эту пословицу с триадой «официальной народности»: православию в таком случае будет соответствовать провиденциальное *авось*, самодержавию — бодро-наставительное *небось*, а народности — смиренно-легкомысленное *как-нибудь*.

пренебрежение опасностью и т. п. (характерно, что такое толкование зачастую сопровождается явным или тайным упованием на особую благосклонность Провидения к русскому народу).

В заметках иностранных путешественников по России *небось* получило однозначную идеологическую интерпретацию, связанную с его этимологическим значением. Так, например, автор *Прогулок праздного наблюдателя по Санкт-Петербургу* (1811) Г.-Т. Фабер называл *небось* главным девизом русского народа:

Клич «Не бойсь» заключает в себе все побудительные мотивы русского человека, всю его нравственную систему; в нем выражена его религия и его мораль. С этим кличем он бежит по тонкому льду к проруби, куда провалился незнакомый ему человек, бросает ему пояс, кафтан, рубашку, протягивает руку и спасает несчастного. В минуту опасности французом движет не только гуманное сострадание, но и честь. Отвага француза хвастлива, отвага русского скромна, одна, кажется, проистекает из ума, другая — из смирения и инстинкта, первому наградой служит слава, второй даже и не подозревает, что совершил благородный поступок.¹²

Франкоязычный публицист немецкого происхождения, Фабер писал свои *Безделки* в то время, когда искал себе места на русской службе.¹³ Его книга — образец тонкой пропаганды александровского царствования: подробная и занимательная, она свободна от откровенных восторгов и отнюдь не лишена иронии по отношению к описываемому объекту. Необходимый эффект достигается выбором предметов описания: читателю предлагают примеры замечательного компромисса между силой и неиспорченностью молодой нации, едва покинувшей

¹² [Fabre G.-T.-F.] Bagatelles. Promenades d'un désœuvré dans la ville de St.-Petersbourg. Sankt-Peterburg, 1811. Vol. 1. P. 80—81. Об авторе см. Мильчина В. А. «Праздный наблюдатель» 1811 года о России и Санкт-Петербурге // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 352—356; *её же*. Франция, 1829 год: два прогноза // «Цепь непрерывного преданья». Сборник памяти А. Г. Тартаковского (в печати).

¹³ Труд Фабера, по-видимому, был оценен по достоинству: он получил место редактора издававшейся в Петербурге франкоязычной газеты *Conservateur Impartial*, служившей своего рода европейским лицом русской монархии.

состояние варварства, и европейской цивилизацией, насаждаемой в стране в течение последнего столетия. Залог грядущего торжества России Фабер (как и его добрый знакомый, барон Штейн, оказавший немалое влияние на формирование русской национальной идеологии) видел в духе русского народа, доминантами которого являются душевная чистота, миролюбие и готовность к самопожертвованию. В основе этого идеализированного портрета легко увидеть концепцию «естественного человека», свободного от привносимых цивилизацией эгоистических начал, но уже облагороженного христианством.

Из книги Фабера много полезного почерпнул другой французский путешественник — Франсуа Ансело.¹⁴ В своих записках о пребывании в России в 1826 году, хорошо известных Пушкину, он почти дословно повторил фаберовскую характеристику русского простолюдина, усмотрев в нем — вслед за своим предшественником — пример «естественного человека посреди цивилизации», движимого в своем природном героизме энергичским *небось*:

Письмо XXVII.

[...] Как бы серьезно ни было происшествие, первое, что скажет русский крестьянин, это «ничего» (то есть ничего страшного), и добавит: «небось» (не бойтесь). [...]

Письмо XXXI.

[...] Что прежде всего поражает иностранца в русском крестьянине, так это его презрение к опасности, которое он черпает в сознании своей силы и ловкости. [...] Если, испугавшись за них, вы укажете им на опасность, они только улыбнутся и ответят вам: «Небось» («Не бойтесь»). Это слово постоянно у них в ходу и свидетельствует о неустрашимости, составляющей основу их характера. [...] При первом взгляде на этих простых людей ничто так не поражает, как их крайняя учти-

¹⁴ Заимствования Ансело у Фабера отмечены в упомянутой статье В. А. Мильчиной и в комментариях Н. М. Сперанской к подготовленному ею изданию: *Ансело Ф. Шесть месяцев в России. Письма к Ксавье Сентину, сочиненные в 1826 году, в пору коронавания его императорского величества.* Москва, 2001. С. 11, 254—255. Следует также отметить сходство политических установок Фабера и Ансело: стремясь возвысить нового императора и легитимировать его царствование, Ансело конструирует идеальный альянс между благостным царем-отцом и добрым, простодушным народом-ребенком.

вость, резко контрастирующая с их дикими лицами и грубой одеждой. [...] Русский крестьянин от природы добр... [...] Француз, оказывая вам помощь, следует своей природной живости, но его важный вид непременно дает вам понять, что он знает цену делаемому им одолжению. Русский же помогает вам в силу некоего инстинкта и религиозного чувства. Один исполняет обязанность, налагаемую обществом, другой — акт христианского милосердия. Чувство чести, эта добродетель цивилизованных наций, составляет одновременно и побудительный мотив, и награду первого; второй не думает о своей заслуге, но просто выполняет то, что сделал бы на его месте всякий, и не видит возможности поступить иначе.¹⁵

Шесть месяцев в России Ансело вызвали довольно оживленную реакцию в русском обществе. Французского путешественника упрекали в плагиате, поверхностности наблюдений, бесосновательности оценок и непонимании множества русских реалий. Однако его апологетические суждения о русском народном характере возражений не вызвали. Более того, в одной из двух рецензий П. А. Вяземского (1827) приведенный выше пассаж о свойствах русского крестьянина и его девизе *небось* был процитирован почти полностью и сопровождается сочувственным комментарием.¹⁶

¹⁵ Ансело Ф. *Шесть месяцев в России*. С. 105, 116—119. Приведем, кстати, еще один пример употребления иностранцем слова *небось*: «Courage, le coeur à l'ouvrage, courage! Страх есть глупость; я люблю русскую поговорку: *небось*», — этот восторженный фрагмент из речи начальника кадетского корпуса гр. Ф. Е. Ангальта, обращенной к кадетам и произнесенной, естественно, по-французски, относится к концу 1780-х гг. и зафиксирован в воспоминаниях С. Н. Глинки, записанных в 1840-х гг. (*Глинка С. Н. Записки*. Санкт-Петербург, 1895. С. 57). По свидетельству Глинки этот пассаж, как и множество других изречений, афоризмов и народных пословиц, был помещен на так называемую «говорящую стену» — ограду корпусного сада (*ibid.* С. 57, 74—75).

¹⁶ Московский телеграф. 1827, № 11. См. также: Ансело Ф. *Шесть месяцев в России*. С. 209. Напомним, что книга Ансело послужила для Вяземского поводом сформулировать концепцию «ревнивой и взыскательной» любви к родине, противопоставленной «квасному патриотизму» (в рецензии фиксируется первое употребление этой идиомы). Несомненно, в своих рассуждениях Вяземский учитывает (и отчасти оспаривает) некоторые тезисы, высказанные Пушкиным в письме от 27 мая 1826 г. в связи с известием о визите Ансело в Россию («мы в сношениях с иностранцами не знаем ни гордости, ни стыда [...]). Я конечно презираю отечество

На этом фоне пушкинское употребление *небось* приобретает отчетливо полемическую направленность. Объектом полемики оказывается стереотипно-идеализированное представление о русском простолюдине как о добросердечном и неустрашимом ребенке¹⁷ с топором в руках (интересно, что Ансело, вслед за другим французским путешественником по России, Меэ де ла Тушем, особенно подчеркивает удивительную ловкость русского мужика в обращении с этим инструментом¹⁸). Заметим, что Пушкин не отказывается от основных составляющих этого стереотипа: мужик с топором, ножом или веревкой в руках сохраняет и природную доброту, и пренебрежение к смерти, и ловкость, однако все эти достоинства оказываются частью значительно более сложного и неоднозначного образа.¹⁹ Народные поговорки, введенные в подтекст *Капитанской дочки*, дают дополнительное измерение пушкинскому пониманию народного характера — привлекательного и од-

мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мной это чувство»; XIII, 279—280).

¹⁷ Подробную разработку эндостереотипа «русский простолюдин — беззаботный и добродушный бородатый ребенок», основанную на народных пословицах и свидетельствах иностранных путешественников, см.: *Снегирев И. М.* Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования о русских пословицах и поговорках. Москва, 1831. Кн. II. С. 126—133.

¹⁸ Переключка с де ла Тушем отмечена в кн.: *Ансело Ф.* Шесть месяцев в России. С. 255.

¹⁹ Не эту ли неоднозначность имел в виду Достоевский, настойчиво возвращаясь к эпизоду казни в черновиках и корректуре пушкинской речи 1880 г.: «Небось, небось — не пропустил же Пушкин этой черты»; «Эти казаки, подталкивающ^{ие} его на виселицу: небось — нет, он не пропустил этой черты»; «В *Капитанской дочке* казаки тащут молоденького офицера на виселицу, надевают уже петлю и говорят ему „Не бось, не бось“, — и ведь действительно, может быть, искренне ободряют бедного офицера, молодость его жалеючи. И комично и прелестно. Да хоть бы и сам Пугачев с своим зверством, а вместе и с беззаветным русским простолюдином» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Ленинград, 1984. Т. 26. С. 210—211, 292, 338). Для Достоевского парадоксальное *небось Капитанской дочки* входит в «полную правду о себе самих», высказать которую — предназначение Пушкина (*ibid.* С. 293; приношу благодарность А. Л. Осовату, обратившего мое внимание на рукописные материалы к пушкинской речи).

новременно смертельно опасного своей парадоксальностью и непредсказуемостью.²⁰

²⁰ Интересно, что во второй рецензии на записки Ансело Вяземский особенно подчеркивал, что одной из причин, по которой европейцы не могут понять России, является полная темнота для них русских поговорок (Московский телеграф. 1827. № 11. С. 216). Стоит напомнить в этой связи, что в *Капитанской дочке* приводится яркий пример такого непонимания: Петруша мистифицирует генерала-немца, затруднившегося в толковании фразеологизма «держать в ежовых рукавицах» (VIII, 292).